

УЧТЕНО
1948
И Л

Р.

Изд. год 1-й.

№
1-й

ГОЛОС

18-го марта
1920 г.

МАКСИМАЛИСТ

Орган Амурского Союза Соц.-Рев. Максималистов.

ИЗДАНИЕ НЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ.

Вся власть, вся земля, фабрики и заводы трудящимся!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ТРУДОВАЯ РЕСПУБЛИКА!

гор. Благовещенск.

СЛАВА ПОГИБШИМ:

Мартиролог борцов за свободу, за рабоче-крестьянское дело увеличивается с каждым днем. Лучшие дети трудового народа, гордость родины, с сознанием своей правоты идут на последнюю битву и гибнут с улыбкой на устах. Великие святые имена! Желая сохранить в памяти народа фамилии членов нашей организации — мы печатаем, хотя далеко неполный список наших замученных и казненных соратников и братьев.

Вот эти славные имена:

В Харбине — **АРЦЫБАШЕВ** — застрелился при аресте. В Благовещенске **С. КОЛЕЙКО** — председатель рев. штаба умер в тюрьме. **ФЕДИН** — председатель цен. ком. Амурск. ж. д. расстрелян. **И. СИБИРЯКОВ** — инструктор школы красноармейцев расстрелян, **С. П. ШУМИЛОВ** — комиссар земледелия Ам. обл. расстрелян **ПОСПЕЛОВ** — комиссар труда в Ам. обл. расстрелян, **ИЛЬЯ ЯКОВЛЕВИЧ ПОДГЛАЗОВ** — советский деятель расстрелян. **А. Н. ЛЕБЕДЕВ** — командир отряда подрывников убит в области, **Б. В. ДОБРОВЕНСКИЙ** — комиссар социального обеспечения в Забайкалье и редактор газ. «Красный Клич», умер в тайге от тифа. В Нерчинске — **ДУЯЛОВ** — расстрелян, в Чите и Маковево: **И. А. БУТИН** — председатель Забайкальского Исполнительного Комитета казнен. **И. ГРИГОРЬЕВ** — член боевой орг. максималистов казнен, **А. СОФОНОВ** — член боевой орг. казнен, **В. НЕРРИС** — за покушение на Семенова казнен, **СТРЕМЕЦКИЙ** — советский деятель казнен, **А. КАМЕРОН** — председатель Ксенийевского совета казнен, **УСТЮМЕНКО** — председатель горного коллектива казнен, **М. ЧЕРЛЯНЦЕВ** — сов. деятель казнен, **А. А. ПЕТРОВ** — секретарь Забайкальского Исполкома застрелился при аресте, **И. ОШКО** — член Ц. К. Комитета казнен. В Хабаровске — **Г. АКСЕНЕВ** — член Забайкальского Исполкома казнен. Во Владивостоке **А. САНАРОВ** — умер в тюрьме от ран, **КОЗЛОВСКИЙ** — убит в бою. В Омске — **Н. МАЗУРИН** — член Красноярского Исполкома казнен.

Спите, мертвые братья, в могиле глубокой, пусть будет и мирен и светел ваш сон, как отдых от жизни жестокой. Вы спали спокойно, лишь в тюрьмах сырых, за радость платили вы кровью, — теперь отдыхайте в магилах своих, согретых народной любовью!

ВЫПУСКАЕТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Заявление

Всем трудящимся.

Товарищи!

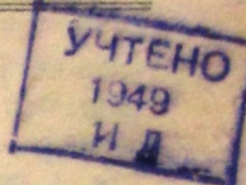
В виду всевозможных неправильных слухов и ложных, искаженных сведений о совершенных в 1918 году террористических актах в г. Чите—Амурский Союз Соц. Рев. Максималистов считает необходимым в интересах истины довести до всеобщего сведения: 1) что убийство прапорщика Валяева, главного сподвижника палача—Семенова в больнице Красного Креста в Чите,—было совершено членом Читинского Союза Соц. Рев. Максималистов казаком товарищем И. Григорьевым; 2) что покушение на кровавого атамана—Семенова 20 декабря 1918 года в Читинском театре было произведено по постановлению Инициативной группы Соц. Рев. Максималистов, членом той же группы тов. В. Неррисом и Сафоновым, бросившими бомбы в ложу атамана, что подтверждается показаниями самих участников покушения при их аресте.

Заявляя об этом всем сторонникам Рабоче-Крестьянской Революции, Амурский Союз Соц. Рев. Максималистов с глубоким прискорбием извещает всех трудящихся, что все трое товарищей погибли славной смертью мучеников в семеновском застенке.

Слава погибшим, живущим свобода!

Амурский Союз Соц. Рев. Максималистов.

НАС МНОГО!

(Памяти павших товарищей)

Нас много, как в море волны суетливой,

Как пышных тюльпанов весной,
Как звуков и песен в толпе говорливой—

В день Первого мая святой.

Нас много, мы дети великой свободы,

Мы равенства, братства хотим!

Родина, родина, в светлые годы

Новый мы строй создадим.

Сильней мы Самсона, смелее титанов,

Нас буря и смерч не страшат;

Пускай мы погибнем под игом тиранов,—

Другие на смену спешат.

Нас много, как звезд в океане небесном,

Как трав и цветов на лугах,

Нас много, как вымыслов в сказке чудесной,

Как счастья в волшебных мечтах,

Нас много, нас много, мы дети стихии,

Мы братья семьи трудовой;

Под гимны свободы, под песни родные

Идем мы на доблестный бой...

Сквозь дебри Сибири мы шли многократно

Под отзвук печальных цепей.

Нам родиной служит весь мир необъятный,

А лозунг наш «Братство людей!»

Нас много, нас много, вставайте же, братья,

Под пурпуром алых знамен,—

Смелее на битву! Под клики проклятий

Мятежный разносится звон...

Максималист.

ПИСЬМА КАЗНЕННЫХ.

Предсмертное письмо Иннокентия Сибирякова
всему трудовому люду и товарищам социалистам.

Дорогие товарищи, умирая я шлю вам
один последний привет и завет не отдавать врагам нашим той же монетой, которой платили они нам. Среди социалистов нет места чувству мести. В тот момент, когда надо мной тяготеет смертный приговор, в последние минуты перед казнью я восклицаю: «Долой смертную казнь», кем бы и над кем она не производилась. Я умираю, когда красное знамя социальной революции высоко вознеслось почти над всем земным шаром, когда пламя революционного пожара из России перекинулось в Западную Европу, когда искры этого пожара разносятся по всей земле и еще од-

но последнее усилие и победа будет одержана.

Не унывайте, товарищи, не складывайте рук и не отчаивайтесь, боритесь. Борьба еще не кончена, но конец ее близок. Пусть мы, отдельные личности умираем, но умирая мы знаем, что враги наши, казня нас, не видят, что с каждой новой казнью все больше растет число приверженцев нашей идеи, что все более и более увеличиваются ряды бойцов за счет инертной, только сочувствующей массы. Весь трудящийся люд с нами и если первые дни победы не будут омрачены казнями,—он останется с нами навсегда. Мой старик отец казнен в Верхнеудинске, и кто знает его, тот скажет, что казнь эта настолько жестока, насколько и бессмысленна.

СИБИРЯКОВ
ИННОКЕНТИЙ
ИВАНОВИЧ

сленна. В последний раз, товарищи, я обращаюсь к вам с призывом: пусть в тот момент, когда вы одержите победу, вместе с победным кличем у вас вырвутся слова: «долой смертная казнь, не нужно мести; народ победитель не может быть палачем». А теперь, товарищи, организуйтесь на последнюю борьбу. К оружию, товарищи. К борьбе с паразитами трудящихся масс. Помни, трудящийся, что только в борьбе обрешь ты право свое.

Да здравствует социализм!

Да здравствует социальная революция!

Да здравствует власть трудового народа, несущая миру свободу, мир, любовь, равенство и братство!

Прощайте И. Сибиряков.

(И. И. Сибиряков член Иркутской организации левых соц.-революционеров активный участник борьбы с Семеновым. Казнен по приговору белогвардейцев в городе Благовещенске в январе 1919 года).

Предсмертное письмо Ивана Афанасьевича Бутина к товарищу Жуковскому (перед увозом в Читу.)

Дорогой Саша! Ты совсем забыл меня. Вот уж больше месяца изо дня в день я тщетно жду ответа на многие мои в просы и, понятно, это ожидание очень нервировало меня. Совершенно не могу объяснить этого молчания. И теперь, когда я перестал уж ожидать и когда дела сложились так, что не приходится о чем либо мечтать, я в последний раз убедительно прошу тебя в самом же скором времени известить меня хотя бы по тем вопросам, которые меня интересуют в первую голову. Это 1) какова роль моего адвоката и кто он, 2) где будет мой суд, 3) что означают слухи о близкой возможности освобождения меня на поруки, о чем я узнал из третьих рук, 4) имеются ли сведения о моем семействе. Пойми, что знать все это мне совершенно необходимо. Товарищ Б. расскажет тебе подробно о том, что меня раньше очень интересовало и о чем приходится сейчас забыть, благодаря (в значительной степени)—вашему молчанию. *В последний момент я спокоен и бодр.* К счастью опять настроил себя по прежнему. Приготовил было для тебя мое «Завещание», но однажды—в ожидании обыска—уничтожил. Не знаю уж, когда вновь соберусь написать. Кое-какие частные пункты из этого завещания я прошу Б. сообщить тебе лично. Еще просьба: постарайся удовлетворять

кое как передачей тов. Б. Он имеет на это право и, как революционер и, как человек, работавший у больных не покладая рук, во время эпидемии.

Ну будь здоров, милый Саша, и все вы. Обнимаю тебя. Прощай. Твой Иван. Завещаю, умирая:

1) Опубликовать денежную отчетность по материалам находящимся у Р—ва и Б.

2) Сохранить мою рукопись, находящуюся у Нины и извлечения из нее опубликовать.

3) Обследовать историю ограбления Читинского банка и опубликовать.

4) Сообщить о моей смерти друзьям, родным, по адресу, находящемуся у Нины

5) Сохранить и передать брату моему тетрадку со стихотворениями она была у П. В. 6 июня 1919 года.

Предсмертное письмо И. А. Бутина к товарищам.

Милые, дорогие, все мои родные и товарищи. Вне всякого сомнения—сегодня я буду убит без всякого «суда и следствия». Повидимому даже в.п. «суд» для меня в Чите не назначен. Ну что же. Прощайте, прощайте, милые. Конеч. Я совершенно спокоен. Смотрю в последний раз на заходящее солнце и благословляю жизнь; да даже эту кошмарную жизнь этого времени. Знаю, глубоко верю, что она будет такой же яркой и светлой, как это солнышко. Завещаю всем не грустить по мне, а мужественно бороться до заветного конца. Обнимаю всех и крепко, крепко целую. Весь ваш Иван. 26 го июня 1919 года.

Не мстите!

(Иван Афанасьевич Бутин—уроженец Забайкалья. Был членом Читинской организации левых эсэров и председателем Забайкальского Областного Исполнительного Комитета. Арестованный в городе Благовещенске благодаря предательству Бутин около года сидел в местной тюрьме, ежедневно ожидая отправки в Читу в семеновский застенек, где он знал—его ожидает мучительная казнь. Но к предстоящей участи он относился со спокойным мужеством. 12 июня 1919 г. был отправлен в Читу, где 29 подвергся истязанию розгами. Казнен 17 июля 1919 года.

Пусть спокойно спит боец в земле холодной и память светлую о нем пусть братья сохраняют).

Борцу за народное дело.

(Светлой памяти И. А. Бутина.)

Мой замученный брат, дорогой ты мой друг,
Сказка жизни твоей оборвалась вдруг,
Онемели уста, затуманился взгляд;
Ты ушел далеко, не вернешься назад,
Я остался один с наболевшей душой;
Думы мчатся туда, за тобой, за тобой,
В тот застенок сырой, где под звуки цепей
Ты томился один перед казнью своей,
Где писал нам прощальный последний привет
И к борьбе призывал, за грядущий рассвет;
И сплоченной семьей завещал победить,
И, „не мстить!“
В эти черные дни много гибло людей,
Много пало бойцов от руки палачей,
Но среди страшных потерь и тяжелых утрат
Слишком жаль мне тебя, мой товарищ и брат!
Ты свободе служил, был народным бойцом
И судьбой награжден ты терновым венцом....
Не в священном бою за народную власть,
Не среди баррикад суждено тебе пасть,
А на плахе лихой безоружный, один
Гордо встретил ты смерть, как герой-гражданин!
Осудили тебя на позорную казнь;
Поспешили убить, их терзала боязнь,
Трепетали враги, что восставший народ
Мощной силой своей скинет деспотов инет,
И сохнет произвол и насилие в конце
На просторе создаст братства светлый дворец.
И в свободном краю, в царстве воли труда
Теплым словом любви он помянет тогда
Тех, кто честно народному делу служил
И в борьбе за нее свою жизнь положил.

Жуковский.

ДЕКЛАРАЦИЯ.

Амурского Союза Социалистов Революционеров Максималистов.

«Вся власть вся земля и орудия производства — трудящимся!»

Да здравствует Трудовая Республика!
Братья!

Почти полтора года трудовой народ Сибири находился под властью буржуазии,

дворянства и царских жандармов. И в то время, когда Советская Россия, окруженная полчищами насильников и эксплуататоров, громадным напряжением революционной воли побеждала врагов, укрепляя завоевания октябрьской трудовой революции, когда весь широкий мир Европы, Азии, Африки и Америки восстал против капита-

лизма, когда Советы Рабочих и Солдатских депутатов возникли в Англии, Италии, Чехославии, Болгарии Индии, Испании, Америке, Германии, Венгрии и Польше,—трудо-вая рабочая Сибирь стонала под гнетом японского империализма. Тюрьмы были переполнены тысячами революционеров, советских деятелей казнили десятками, села и станицы сжигались и превращались в груды пепла, расстреливались мужчины, насиловались женщины. Рабочий класс задыхался в тисках неимоверной эксплуатации, всякая свободная мысль была задушена, на всем лежала печать молчания и смерти, и, как эмблема власти узурпаторов, над всем этим простиралась костлявая рука царя голода, грозя превратить страну в кладбище. Весь этот средневековый кошмар совершался во имя буржуазн «порядка и законности», во имя „государственности“.

Так празднов. свое господство, свою победу европейск. банкиры и японск. империалисты.

Но трудовой народ Сибири, утопая в крови, выбиваясь из сил, все же не хотел мириться с абсолютизмом и произволом капиталистов и банкиров. Он принес в жертву за свободу, за рабоче-крестьянскую революцию своих лучших детей, зажегших красный факел свободы и братства. И он достиг желанной победы, он взял власть в свои руки. В крови и нечеловеческих муках возродилась рабоче-крестьянская советская власть и все усилия честных, смелых и самоотверженных должны быть направлены к поддержке этой власти.

Считая себя передовым авангардом революционного народа, чуждым всякого соглашательства и примиренчества,—Амурский союз Соц.-Рев. Максималистов открыто заявляет, что он окажет самую активную поддержку молодой Советской власти и примет самое деятельнейшее и горячее участие в строительстве новой жизни на началах революционного социализма, при условии, если эта Советская власть не сойдет с революционного пути, а твердо и неуклонно будет проводить в жизнь все завоевания октябрьской революции, остав ясь верной принципам революционного социализма и заветам нового (3-го) Интернационала Труда. Она должна быть тем центром, вокруг которого объединилась бы вся угнетенная и трудящаяся Русь.

Защищая интересы пролетариата и беднейшего крестьянства, Советская власть не должна выражать интересов одной какой-либо партии или группы, а интересы всех

трудящихся и эксплуатируемых, и только такая власть сможет привести нас к грядущему коммунистическому строю.

Признавая особенно необходимым активно поддерживать Советскую власть,—Амур. союз С.-Р. Максималистов, входя по вопросам строительства Советской власти в контакт с другими Советскими партиями (большевиками), признает необходимым сохранить свою организационную и теоретическую самостоятельность, партийную платформу, выработанную на 2 съезде Максималистов впредь до сношения со своими руководящими центральными организациями в Москве, оставляя вопрос о слиянии с большевиками пока открытым. А до того времени С.-Р. Максималисты будут вести самую активную работу в советских организациях и рабочих массах, пропагандируя идеи социальной рев. и ведя подготовку к скорейшему обобществлению фабрик, заводов, земли, шахт и всех средств производства, для осуществления социализма. На этом мы будем настаивать особенно.

Защищая интересы рабочего класса, организация будет стоять на страже трудовой власти и всеми силами бороться с врагами трудового народа, белогвардейцами, саботажниками, контр-революционерами и международными империалистами.

Если же Советской власти будет угрожать серьезная опасность, то Амурский союз С.-Р. Максималистов принужден будет прибегнуть к самому беспощадному террору против врагов народа и революции, считаясь с целесообразностью. Твердо уверенные в том, что трудовой народ предпочтет лучше умереть в битве под красным знаменем социализма, чем добровольно отдаться в рабство иностранным империалистам и банкирам, мы Соц.-Рев. Максималисты призываем всех трудящихся к организованности, солидарности и готовности на жертвы. Мы зовем всех рабочих, казаков, крестьян и трудовую интеллигенцию к борьбе за трудовую Советскую Республику, за укрепление Советской власти и организации сил против банд Семенова и Калмыкова. От слов к делу!

Да здравствует Власть Советов!

Да здравствует Трудовая Республика!

Да здравствует Социализм!

Долой империалистов!

Председатель Исп. Бюро Жуковский

Секретарь В. Донцов.

Члены: Т. Степанова, И. Урбанович, Соловьев, Клоков. Г. Благовещенск, 13 ф. 1920 г.

Экспроприация экспроприаторов.

(К 15-ти летней годовщине экспроприации московского банка Общ. Взаим. Кредита).

«Собственность—кража» сказал великий французский анархист и мыслитель Прудон. Высказанная мысль логически верна и верна особенно в применении крупной капиталистической собственности, нажитой собственником не десятью мозолистыми пальцами, а при помощи наемного труда, обмана, принуждения и эксплуатации. Если хорошенько разобратся и проследить историю возникновения капиталистической собственности, то мы увидим, что все капиталисты, фабриканты, заводчики, банкиры, помещики и золотопромышленники нажили свою собственность не тяжелым личным трудом, а благодаря насилию и эксплуатации, которым они подвергали трудовые массы в продолжении тысячелетий, заставляя их под палкой работать в неимоверно тяжелых условиях. «От трудов праведных не наживешь палат каменных» — говорит пословица. С этой точки зрения собственность капиталистов это один непрерывный грабеж трудовых масс, одна сплошная кража. Вот с какой стороны мы, максималисты, рассматриваем капиталистическую собственность.

Разойдясь с социалистами—революционерами по вопросам программы и тактики, отвергнув программу минимум, как путь компромиссов и соглашательства с врагами трудового народа мы максималисты бросили в массы лозунг: „Прямо к цели“, мы решили призывать трудящихся, к немедленному уничтожению эксплуатации, к непосредственному установлению Трудовой Республики, путем захвата власти и экспроприации

экспроприаторов, т. е. объявлением капиталов и всех средств производств общенародным достоянием.

Принимая активное участие во всех революционных восстаниях, битвах, схватках с врагом и наблюдая за ходом этой борьбы, оканчивавшейся в большинстве случаев победой правительства, мы, максималисты на горьком опыте убедились, что для успешного ведения борьбы с буржуазно-полицейским строем против его пушек и пулеметов необходимо иметь равноценное оружие и средства. А для этого нужны деньги не малые. Отсюда вывод напрашивался сам собой: Мы революционеры, трудящиеся ведем войну с эксплуататорами-капиталистами, и как сторона воюющая берем силой у противника все, что нам нужно для обеспечения успеха себе. Мы должны использовать все средства для разгрома врага, дезорганизации его рядов путем нападения на его посты, склады провианта, денежные банки, казначейства и захвата средств нужных для народного дела. Придя к такому выводу в теории, максималисты, как люди дела приступили к его осуществлению.

Один из вождей московских рабочих максималист В. Мазурин, организовав боевую дружину, известную под именем «Мазуринцев» совершил 7 марта 1906 г. нападение на московское купеческое общество взаимного кредита и конфисковал 775,000 руб. народных денег у правительства на дело народного освобождения, на дело социальной ре-

волюции. Экспроприированные деньги были распределены следующим образом: Московской оппозиции—200,000 максималистам—100,000 на вооружение петроградской боевой орг. максималистов—50,000, партии соц. рев. —100000, с е в е р о западному комитету на крестьянское дело—20000, петербургской террористической группе с. р.—20000, на освобождение каторжан—10000, Екатеринославской организации п. с. рев.—3000, железнодорожному союзу—3000 р, крестьянскому союзу п. соц. рев.—1000 р.

Таким образом все деньги пошли в пользу рабочих организаций и крестьянских союзов для ведения борьбы за социалистический строй. Мазурин погиб на эшафоте, но его смелый героический план борьбы нашел себе последователей. С тех пор лозунг: „Экспроприация экспроприаторов!“— максималисты стали проводить в жизнь все чаще. Конфисковались не только казенные, но и крупные частновладельческие капиталы. К экспроприациям прибегали также и анархисты, соц-революционеры [казенные эксы] и польская социалистическая партия (П. П. С.) Были случаи когда под видом революционеров темные элементы устраивали грабежи, дискредитируя этим идейный смысл экспроприации.

Но революционные партии всегда отмежевывались от таких господ и вели с ними беспощадную борьбу. Следует помнить, что частое применение экспроприации, как метод борьбы с капиталистическим строем, служили для нас максималистов не только, как способ для добывания средств на революционные цели, но и как *способ пропаганды действием*,—главным образом, чтобы таким путем подготовить

сознание масс ко всеобщей экспроприации экспроприаторов в государственном масштабе. Этот способ пропаганды действием в виде экспроприации денег, захвата крестьянами земель и хлеба у помещика, захват зданий необходимых для общего пользования (дача Дурново и др.) применялся нами максималистами по мере возможности, все время вплоть до октябрьского переворота. Но с тех пор, как наш основной лозунг—власть трудящимся! воплотился в жизнь, мы теперь считаем излишним прибегать ко всякого рода насильственным захватам и экспроприациям. Так как, по нашему мнению, трудовой народ, находясь у власти осуществит лозунг: «Экспроприация экспроприаторов» во всей его полноте, объявив все средства производства, все то, что служило в продолжении долгих тысячелетий источником порабощения—собственностью всех трудящихся. Но отказываясь принципиально от наших лозунгов—мы, максималисты будем вести самую широкую пропаганду среди трудовых пролетарских и крестьянских масс о необходимости немедленной социализации земли, фабрик, заводов, шахт, рудников, капиталов, общественных зданий и всех средств производства о предоставлении их в общенародное пользование. Настает время строительства новой свободной жизни на началах экономического равенства, но частичными полумерами этого не сделаешь. Необходимо сосредоточие всех творческих сил народа для коренного переустройства общества. И чем скорей, тем лучше. Рабочий контроль над производством, который до сих пор применялся в фабрично-промышленной области—доказал всю свою несо-

стоятельны, как и все жалкие потуги соглашательства с капиталистами в области экономики. Злостный саботаж капиталистов, сознательная порча машин, умышленное закрытие предприятий, мошеннические сделки нашей буржуазии с иностранными капиталистами—все это настоятельно диктует нам о необходимости немедленно устранить всех собственников—капиталистов от участия в производстве и передать всю промышленность в руки фабрично-заводских комитетов, рабочих артелей, коммун и т. п. Нечего бояться того, что мы сами не справимся с производством. Если полуграмотные купцы и ограниченные фабриканты ведут дела, то

выборные и ответственные перед народом опытные люди сумеют также справиться. Тем более что с переходом фабрик и заводов в руки народа, весь служебный и технический персонал перейдет на службу народу. Исходя из этой точки зрения, мы максималисты призываем всех трулящихся, посылая своих представителей в совет рабочих депутатов, давать им наказы и требования проводить в жизнь уничтожение капиталистического строя эксплуатации, путем социализации производства и замены его трудовым коммунистическим строем братства и равенства.

Доктор Фауст.

Кто такие С. Р. Максималисты.

В 1906 г. отколовшись от партии соц.-революц., мы, максимал. открыто выступили, как передов й отряд революц., действуя, как глашатаи трудовой революции. Мы говорили, что русская революция захватывая, все больше и больше страну, должна быть либо революцией трудовой, либо погибнуть. Тогда мы были одиноки, тогда почти никто не верил в возможность трудовой революции, в близкое торжество социальных задач пролетарского и крестьянского трудового движения. Мало того что не верили, а прилагали все усилия к тому, чтобы затруднить развитие революции, чтобы задержать ее на путях конституционно буржуазного государства. Нынешние соглашатели—правые социалисты действовали в этом направлении и тогда даже большевики, будучи революционной партией, стояли всецело на позиции переходного конституционно буржуазного строя и мы—максималисты вынуждены были вести борьбу на два фронта—идейную борьбу со всеми социалистическими партиями соглашательскими и примиренческими по духу своему

и революционную борьбу с раненым, но не добитым царизмом. Тогда еще слабо звучала наша проповедь социальной революции, проповедь заглушаемая барабанным боем социал-соглашателей и ревом дикого разгула самодержавных палачей.

В 1906 г. когда организовался союз соц.-рев. максималистов—наступила пора наиболее «сгущенного» черного террора и не успев сколько-нибудь обстоятельно развить наших идей и сколько-нибудь широко повести пропаганду их—мы вынуждены были ринуться в борьбу с царизмом и на черный террор отвечать красным. Мы и лозунгами своими и действиями звали массы на борьбу с царизмом во имя трудовой революции, звали бить сразу по обеим головам хищной птицы двухглавого орла—то царизму и по капиталу. Революция 1905 г. испытала на себе предсказанную нами судьбу, она не сумела вылиться в революцию трудовую и погибла. Не погибли только наши идеи и трудовая революция, испытав поражение в 1905 г., возродилась в 1917 году, но уже для торжества, для победного ох-

вата всего трудящегося и измученного человечества.

Мы не даром зародили наши идеи в глущую темную ночь русской жизни. Наши семена пали на благодатную почву и дали богатые всходы; теперь под нашими лозунгами творится русская революция, теперь наиболее могущественная партия—большевики, идут по пути предначертанному нами еще в эпоху первой русской революции, теперь мы не одиноки, теперь почва для трудового строительства так богато подготовлена, что наши силы мы можем отдать уже не на преодоление внешних препятствий, а на положительную работу. Правда, не с первых дней революции мы могли отдаться созидательной работе, нужно было, чтобы русская революция чудесно развернула все таившиеся в ней силы, чтобы в сознании передовых слоев трудового народа—были и з ж и т ы иллюзии буржуазно-парламентарского строительства, нужно было, чтобы огромные силы трудового народа напряглись в стремлении к действительному, а не призрачному освобождению для того, чтобы власть перешла наконец, в руки трудового народа, в руки трудовых советов...

И когда только открылась эта возможность, мы убедились в глубокой жизненности наших идей, под нашими лозунгами в наши советы, советы крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, пошла партия большевиков и левых социалистов-революционеров, пошел весь трудовой народ. Поэтому нас нередко спрашивают, что побуждает нас *сохранять свою организационную самостоятельность и не слиться с более количественно сильной и влиятельной партией большевиков.*

На это мы отвечаем: задачи, которые ставят русской революции большевики и торжеству которых они способствуют всеми силами в общем нами разделяются. *Но большевики теперь в России правительственная, государственная партия, партия власти, а каждая партийная власть, хотя бы это была власть партии истинно-революционно-социалистическая, обрекает страну на длительную и изнурительную межпартийную борьбу.*

Мы—максималисты связываем творческую работу по созданию трудового строя—истинно советской власти, опирающейся на самый широкий государственный фундамент, на суверенные права трудового народа, мы будем разлагать всякую по-

пытку замаскировать, подменить эту власть интересами какой-либо партии. Работая в советах и признавая только власть:

Коллециальную, вышедшую из Всероссийского съезда советов, власть построенную на принципе периодического обновления—мы сохраним организационную самостоятельность, чтобы иметь возможность применять оружие критики там, где это будет необходимо в интересах осуществления задач трудовой революции.

Мы—максималисты стоим за организацию власти, которая парализовала бы губительное влияние партийных центров. Мы стоим за полное осуществление советской власти за создание верховного органа трудовой России в лице постоянно действующего Всероссийского съезда советов с выделением из него рабочих органов, как власть исполнительную. Эта власть должна найти пути примирения с трудовой интеллигенцией—использованию ее в качестве рабочей силы для трудового строительства России. Мы—максималисты считаем, что теперь, когда русская революция безповоротно стала на путь трудового строительства, всякое соглашательство, как вне, так и внутри убивает революционное движение, возвращает трудовые массы к прежним полусамодержавным, полубуржуазным формам государственного строя.

Организуя немедленно же отпор империалистам—мы должны поставить своей задачей внутри страны—планомерную организацию всего хозяйства на трудовых началах, должны немедленно вступить на путь социализации всех основных отраслей промышленности и других служб.

Всякие полумеры, в виде контроля над производством, частичные национализации только разлагают хозяйственный аппарат России, уничтожая предпосылки для всякой нормальной трудовой деятельности в стране... Будучи твердо уверены, что совместно со всеми партиями, стоящими на платформе истинного революционного социализма—мы победим и обеспечим развитие страны в направлении осуществления нашего полного социализма—мы остаемся самостоятельным отрядом трудящихся масс вплоть до того момента, когда обеспечив победу над капитализмом,—мы сумеем слиться для общей мировой работы на благо первого в мире трудового государства.

(М.) В.

ГИМН МАКСИМАЛИСТОВ.

О, братья, вставайте под гимны сво-
боды!

Мы долго томились в цепях,
Тираны нас мучили долгие годы,
Терпели мы голод и страх...

На плаху и в тюрьмы мы шли
множественно

Под звуки железных цепей;
Нам родиной служит весь мир не-
объятный,

А лозунг наш „Братство людей!“

Пусть красное знамя—цвет крови
народной

Возьмется, как символ труда—
На юге цветущем, в Сибири холодной...
Исчезнет насилье-вражда!

Построим мы царство любви и
свободы

Крестьянам землю отдадим,
Трудящимся—фабрики, шахты, за-
воды,

И Волю Труда утвердим!

Разрушим кровавую власть капитала,

Гнетущую русский народ.

За равенство, братство, за свет
идеала,

За Землю и Волю вперед!

Жуковский.

Памяти Василия Нерриса.

« Я люблю того, кто
строит высшее над со-
бой и так погибает».
Ф. Ницше

Юноша с бледным детским лицом, с
вдумчивыми голубыми глазами, живой, энер-
гичный, жизнерадостный:—таким предста-
вляется мне Василий Неррис,—Вася, как
звали мы его... Полуробенок с душою
героя.

О его детстве, его прошлом я совершен-
но ничего не знаю, хотя он меня очень
интересовал, но недостаток свободного
времени и ряд других вопросов мешали
нам поговорить по душе. Сын сибирского
еврея кантониста—Неррис, насколько по-
мню из его с ов, осиротел довольно рано.
Судя из его отрывочных рассказов,—дет-
ство его протекало не в особенно радужных
красках. Когда и где он выучился грамоте
и где учился—не знаю, но из его споров со
своими политическими противниками из
его остроумных находчивых ответов я за-

ключаю, что он был хорошо развит, много
читал и разбирался в прочитанном. Его
горячие речи в защиту советов, его резкие
нападки на соглашателей мне очень нра-
вились...

Лето 1918 года было особенно бурным и
тревожным в жизни Читы и Забайкалья
вообще. На востоке появился японский,
содержанец—Семенов, угрожавший нашей
рабоче-крестьянской власти. Трудовое на-
селение готовило отпор бандиту. Происхо-
дили съезды, митинги, собрания, спешно
шла организация красной армии и гвардии.
В этот период я заведывал информацион-
ным подотделом при Исполнительном коми-
тете и работал в коллегии агитаторов и
пропагандистов. Когда коллегия обратилась
с воззванием к революционной молодежи
ехать по области с целью информации и
пропаганды среди населения, то из товарищей
отозвавшихся на наш призыв был и В.
Неррис, который вскоре стал постоянным
членом нашей товарищеской семьи. Он

оказался одним из лучших пропагандистов, нередко выступал на собраниях и ездил по деревням. В это время я близко сошелся с ним и узнал, какой это был прекрасный юноша и стойкий революционер.

О своих политических убеждениях он говорил, что считает себя большевиком, но к партии не принадлежит, потому что еще не решил окончательно этого вопроса.

„Я чувствую, что большевизм меня не удовлетворит.... Это еще не настоящее“.....

И замолчит недокончив начатой мысли. Однажды говорю ему; „Вот, Вася, заключили мы мир с Германией; а что если в один день мы с вами очутимся под властью юнкерства... и полетят вверх тормашками все наши социализации и национализации?“....

С глубокой верой отвечает он мне, что русский народ, совершивший такую грандиозную революцию и показавши чудеса подвигов не может быть рабом.... Эта глубокая вера еврейского юноши действовала на меня вегда особенно сильно.

Читинский Союз С. Р. Максималистов издавал журнал: „Зламя Максималистов“, где между прочим печатались мои воспоминания из революционной жизни. Подходит однажды Неррис ко мне с журналом в руках, глаза блестят особенно; жмет мне руку:

— „Так вы террорист! вы участвовали в терроре—Я сейчас в журнале прочел“—говорит и смотрит мне в глаза с какой то восторженностью.

Да, Вася, террорист, но плохой, потому что настоящие террористы, почти все на эшафот пошли, а я, как видите, цел и невредим.

Он недоверчиво качает головой. И вот новая тема для бесед; ему хочется знать, как я убивал прокурора, что испытывал при этом. Его интересует история террористической борьбы, ее деятели. Он восторгается подвигами Осинского, Перовской Желябова, Володи Мазурина, Конопляниковой; видно, что он сам переживает эти подвиги, мечтает о них. Я замечаю, как перерождается этот человек, как вырастает в моих глазах. Это уже убежденный народолюбец—террорист, готовый на подвиг, на самопожертвование не под влиянием аффекта, а той глубокой внутренней силы веры, которая заставляет людей идти с улыбкой на эшафот. Из дальнейшей

судьбы Нерриса видно, что я не ошибся в его характеристике.

Часто беседовали мы на темы о максимализме и всю немногочисленную литературу по этому вопросу он прочел с увлечением. Так или иначе, но Неррис стал убежденным максималистом и вступил в члены нашего союза. Он часто высказывал искреннее сожаление, что времена террора прошли. Ему так хотелось совершить, чтонибудь выходящее из пределов повседневного.

— А скажите тов. Жуковский, ведь террор и теперь можно применять... Вот на Семенова, Хорвата?...

Да их нужно убить, но нам с вами их не достать...

Неррис молчит, понурив голову. Нужно заметить, что вопрос об убийстве Семенова и Хорвата нами максималистами был решен принципиально в положительном смысле, были даже охотники для его исполнения, но почему мы этого не сделали, —я положительно не помню. Неррису все это было известно...

Наступала реакция, но мы не хотели сдаться позиций, мы думали о борьбе, о победе. Неррис уезжал в деревни с целью пропаганды, а я делегировался с тов. Бутиным на восточную конференцию советов в Благовещенск. Это было в середине августа 1918 г., прощаясь своим учеником и другом, ни я, ни он не думали, что мы видимся в последний раз и что через 4 месяца один из нас наденет венец мученичества.

В Читу он вернулся, когда город уже был занят белогвардейцами и сразу был взят на военную службу. Но и теперь в невероятных условиях он не отказался от дела. Примкнув к боевой организации максималистов он принял вместе с товарищами горячее участие в подготовке террористических актов на Семенова и его агентов. Был убит семеновский сподвижник, прапорщик Валяев товарищем Григорьевым, но за Семеновым следить было очень трудно. Так дело затянулось до декабря. Настало роковое 20 декабря 1918 г.

Вечером этого дня в Мариинском театре шла какая-то пьеса, где должен был присутствовать сам Семенов. Этим случаем решили воспользоваться террористы. Вооружившись бомбами тов. Неррис и Сафонов проникли в театр, взобрались на верхнюю галерку против ложи кровавого атамана...

Театр, переполнен, народу тьма, но зоркий глаз Васи видит, что если и будут

лишние жертвы, то их не особенно жаль: все это семеновцы и дамы белогвардейки.

Пьяный атаман, пришедший, очевидно, только что из-застенки, где наслаждался мучениями своих жертв—развалился в ложе среди продажных кокоток и озверелых офицеров.

Вот гаснет электричество. Поднимается занавесь... открывается сцена... мертвая, жуткая тишина, чувствуется дыхание Рока-неизбежности...

Вдруг среди этой тишины, шипя пролетели сверху две бомбы, брошенные в ложу кровавого атамана. Раздался страшный оглушающий взрыв, слышались вопли дам, крики свиты, а среди всего этого хаоса полулежит бледный перетрусивший, весь в крови палач атамана, раненный в ноги... Пользуясь суматохой террористы скрылись. Некоторое время Неррис жил на конспиративной кваргире, а затем связавшись через Марью Афанасьевну Филиппову с революционной ар. в Благовещенске—решил уехать к нам. Но судьба решила иначе. 24 янв. 1919 г. мы прочли в газетах, что арестован главный участник покушения на Семенова и хотя фамилия указана не была, я угадал, что это Неррис. На экстренном совещании нашей группы решено было узнать подробности ареста и если можно, то принять меры к освобождению товарища. Марья Афанасьевна спешно уехала в Читу. Но было уже поздно—Неррис был казнен....

Арестованный в поезде по дороге в Благовещенск Неррис первое время отрицал свое участие в покушении, но после адской пытки и очной ставки с людьми предавшими его сознался и дал следующие показания: *Покушение совершил по постановлению Союза С. Р. максималистов. За*

исполнение этого покушения взялся добровольно, желая отомстить Семенову за расстрелы, порки и т. п. акты, которые совершались семеновцами. Организация дала мне снаряды и 2 х помощников, фамилии которых не знаю. Они присутствовали при покушении и помогли мне скрыться после взрыва. О дальнейшей судьбе тов. Нерриса существует много версий, но все они сходятся в одном это, что его пытали самым жестоким образом в продолжении многих дней и у живого сняли с головы верхнюю часть черепа. Насытившись муками страдальца—мерзавцы офицеры умертвили героя.

В семеновском застенке в Макавзеве на одном из потолков вагона—тюрьмы была надпись, сделанная по словам заключенных Неррисом: *«Завтра я вероятно, буду убит, о скорей бы кончились все эти страдания... и вот предо мною откроется новый лучезарный мир»...*

Бедное дитя! Даже в кошмарном застенке, среди кровавых пыток ты сумел сохранить свою великую веру в идеал. На краю могилы ты грезил о новом лучезарном мире; ты стремился к подвигу и самопожертвованию. И судьба дала тебе подвиг наградила венком мученика. Ты пережил все муки какие только существуют, ты выпил до дна всю чашу страданий—ты заслужил свой отдых! Чувствуешь ли ты, что к месту твоих мучений, твоей гибели приближается свободная социалистическая армия под красным знаменем труда? И там на месте застенка, где гибли вы, мученики идеи—благодарный народ в память вашу воздвигнет светлый храм свободы и братства. Спи гордый мученик! Пусть снятся тебе лучезарные сны. Мир тебе!..

[Жуковский.

Посмертные стихотворения И. Корытова.

Мы помещаем ряд еще неизданных стихотворений тов. Корытова, писанных им в тюрьме и сохранившихся в нашем нелегальном архиве. Большинство этих произведений было им написано незадолго до казни.

Не вдаваясь в оценку стихотворений представляем судить о них самому читателю (печатаем в оригинале). Но несомненно, что

в лице тов. Корытова погиб незаурядный талант, погибла светлая личность борца за рабочее дело. Пусть же эти стихи и песни будут памятью о неутомимом идейном борце и поэте.

Ред. Коллектив.

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПОДАРКИ.

Социализму.

Гори, божественный костер,
Гори и превращайся в пламя!

Лети в трущобы и простор,
Неси свое святое знамя.

Неси, во тьму своей яркий свет,
Лети эфиром по селенью,
Неси трудящимся совет,
Зови их всех к объединенью.

Лети за тихий океан,
Разбей царей, милитаризм!
И пролетариев всех стран
Возьми себе, социализм,
Меня к борьбе благослови,
Дай мне святые директивы.
Во имя братства и любви
Ты закрепи мои порывы.

Интернационалу.

Заставьте, братья—бедняки!
Идите, честные народы
На пир красавицы—свободы,
Долой булаты и штыки!
И прочь все, жалкие уроды.
Довольно тронов и царей,
Довольно грохота мортиры!
Долой презренные кумиры!
Довольно рабства и цепей,
Пусть торжествует песня лиры.
Наш челн уж к пристани пристал,
Он без пробоин и аварий:
В нем торжествует идеал!
И пир свершает пролетарий
За Интернационал!

Милитаризму.

Разрушен мир... поруганы святыни,
Погасла мысль под лезвием меча:
Где был прекрасный мир, там мертвые пу-
стыни

Будь проклят меч, оружие палача.
Тобой разрушена великая культура.
Тобою пролита страдальческая кровь...
Тобою попорана вся красота Амура,
Поругана безжалостно любовь.
Не ты ль принес нам ужасы и стоны?
И вопль детей и скрежеты зубов,
И жертв, калек и сирот миллионы?
Все перечесть нет сил и нету слов.
Не спорю я, помог ты пробудиться
Рабу от летаргического сна;
Но все-ж я не могу с тобою примириться.
Будь проклят меч! Будь проклята война

Империализму.

Проклятье вам, тираны мира,
Проклятье вам, народов торгоши!
Пусть кровь людей, жестокие вампиры,
Послужит вам для „спасенья“ души.
Все то, что облито слезами,
Что утоляло жажду во дворцах,—
Пусть будет проклято землей и небесами,
Наполнит горечью холодные сердца.

Пусть вам и вашим поколениям,
Кошмарн. призраком рисуется ваш век
И все те ужасы... страдания и гоненья,
Что пережил страдалец—человек...
Пусть все роскошные палаты,
Творенье нашего великого труда
Подземные заменят казематы
В дома трудящихся вернутся навсегда.

Социалистам.

Свободу слова и печать,
Свои ошибки оправдать,
Сил, энергии набраться
И вновь в борьбу смелей пускаться.

Ка-де.

Тебе ученая рука
Я многого желать не стану:
Набить «керенками» карманы
И диктатуру Колчака

Земству.

Земли, земли! и не сажень,
А неизмеренное поле!
И дров хотя горелый-пень
И воли настоящей воли!

Военной клике.

Френч защитный, панталоны,
Золотистые погоны,

Шпоры к сапогам.

Пива дюжину, шампанок,
Хор певиц, хотя цыганок,
Воли каблукам.

Четверть спирту, рюмку рому
И историю Содомы,

Выпив прочитать.

Пообедать в ресторане,
Блеснуть формой в шантане,
В номерах поспать.

Семенову.

Хотел я многое сказать
О вас, почтенный воевода,
Но заставляет замолчать
Цензура,—знать такая мода
Скажу, пожалуй, я одно:
(Коль будет мне позволено)
Вам знаменитый воевода,
Не дожить до Нового года!

Ему же.

Шутя, резвяся и играя
Летела бомба удалая
Из рук, кажись, большевика:
Его ехидная рука
Убить хотела „Самурая“
Но видит он—великий бог!
Он не допустит наказания.
Остались правда, вы без ног,
Но это лишь для испытанья.

И. Неритов.

(Продолж. в след. номере.)

ОБЩЕЕ ЯП. ИЛИ
ИЛИ
ИЛИ